

Цзян Шуньянь с пренебрежением посмотрел на него:

— Если тебе так нравится это место, то когда ты женишься на своей девушке, просто устрой свадьбу здесь.

— Эй, это неплохая идея, моей девушке тоже нравится это место. — А-Шуй задумался, затем хлопнул себя по бедру. — Хорошо! Решено!

Оуэн отпустил Цзян Шуньяня с работы на полчаса раньше.

А-Шуй, естественно, послушно взял на себя обязанности Цзян Шуньяня.

Выйдя на улицу, Цзян Шуньянь, хотя и был морально готов, все же был шокирован.

Как говорится: меч дарят герою, а пудру — красавице.

Речь идет о соответствии и гармонии.

В этом плане Оуэн, если бы занял второе место, никто бы не осмелился назвать себя первым.

У входа в «Лазурный берег» стоял ярко-алый кабриолет, в котором сидел Оуэн в огромных зеленых очках, похожих на глаза мухи. От него веяло таким развратом, что даже великие бессмертные обходили бы его стороной.

Цену этой машины Цзян Шуньянь боялся даже угадывать, не то что прикоснуться к ней — казалось, она обжигает руки.

Не потому, что цвет был действительно таким горячим, как пламя, а потому, что он чувствовал: стоит ему сесть внутрь, и его скудная аура будет поглощена этой кричащей роскошью без остатка.

— Садись, детка, время не ждет!

Черт возьми!

Цзян Шуньянь мгновенно покрылся холодным потом.

Что это за место?

Это же главный вход «Лазурного берега»!

Очередь могла заполнить всю улицу, а этот противный, сладкий голос Оуэна привлек внимание бесчисленных любопытных. Некоторые уже доставали телефоны и снимали их, время от времени раздавались свистки и возгласы, и никто не стеснялся подзуживать.

Цзян Шуньянь впал в панику!

— Что? Тебе нужно, чтобы я сам усадил тебя в машину?

Сам садись!!!

Не обращая внимания на крики позади, Цзян Шуньянь быстро запрыгнул в машину и лихо пристегнул ремень.

Подняв голову, он увидел гадкое, до невозможности лицо Оуэна.

— Ты это специально! — прошипел Цзян Шуньянь, понижая голос.

— Ха-ха, я никогда не видел такого труса, — Оуэн завел машину и сразу же нажал на газ. — Сиди смиренно, братишка, братан понесет тебя в небо!

— Понесет к черту!

Яростный вопль Цзян Шуньяня растворился в ветре за окном.

Злость злостью, но ощущение от езды в кабриолете было иным.

Шумный ветер свистел в ушах, солнце беспощадно светило на них, можно было беззастенчиво наслаждаться завистью прохожих, восхищением женщин и ненавистью мужчин.

Если бы у Цзян Шуньяня было достаточно денег, он бы...

Ни за что не купил бы кабриолет!!!

Черт!

С тех пор как он сел в машину, ветер в ушах не прекращался ни на секунду, гудел так, что хотелось умереть. А еще выхлопные газы, запах был просто тошнотворным!

Был полдень, солнце светило прямо сверху, спрятаться было негде. Скоро лето, и солнце не собиралось быть с нами милостивым, оно палило со всей силой, боясь, что мы не почувствуем всю пылкость его любви!

Прохожие — о них и говорить нечего!

У Цзян Шуньяня не было той ауры «покорительницы сердец», и того «гламурного стиля», что были у Оуэна.

Эта сцена напоминала древнюю публичную казнь. И хотя не летели тухлые яйца и гнилая капуста, но если бы какой-нибудь водитель с низкой культурой бросил окурок или плюнул, ты бы даже не успел крикнуть «Несправедливо!».

— На что уставился? Ты с самого начала сидишь как на иголках. У меня здесь кожаные сиденья, не говори, что твоя нежная задница страдает.

— Задница не болит, голова. — Цзян Шуньянь подпер голову рукой и начал яростно тереть виски.

— Эх, какой же ты капризный.

Оуэн продолжал подшучивать над Цзян Шуньянем, замедлил ход и поднял крышу автомобиля.

Цзян Шуньянь, который был в полном отчаянии, вдруг почувствовал тень над головой. Он подумал, что небо смилостивилось над ним и послало облачко, но, подняв голову, чуть не обмочился от страха!

Что за чертовщина? Это съемки фильма?

«Трансформеры: Сожаление о перерождении».

Цзян Шуньань смотрел с полным недоумением, как крыша медленно закрывается, а потом уставился на Оуэна как на привидение.

Оуэн снял очки и прицепил их к карману рубашки:

— Чего уставился? Я просто проявляю заботу о нашей хрупкой принцессе.

Цзян Шуньань схватился за лоб. Если бы не скорость машины, он бы тут же выпрыгнул.

— Я не хрупкий, и я не принцесса, и самое главное — я — не — женщина.

Оуэн кивнул:

— Но есть одна вещь, в которой вы похожи.

— Какая?

— Вам обоим нравятся мужчины.

Цзян Шуньань взорвался:

— Если ты еще раз откроешь рот и будешь смеяться надо мной из-за этого, я обещаю, что зашью тебе рот.

Оуэн пожал плечами, улыбнулся и продолжил вести машину.

Шутки в сторону, хотя Оуэн любил подшучивать, он всегда держал в уме серьезные дела.

— Что ты знаешь о «Лазурном берегу»?

— В общем, все.

Перед ними загорелся зеленый свет, но когда они подъехали, он уже сменился на красный.

Тот самый кабриолет, который на первый взгляд ничем не отличался от других машин, послушно остановился у стоп-линии.

— А что ты знаешь о Вэй Цзинжуне?

Цзян Шуньань не понял, к чему этот вопрос.

Длинные пальцы Оуэна легонько постукивали по рулю, его взгляд был устремлен вперед.

— Этот ресторан был создан вашим директором Вэем по крупицам. Он — душа этого места. Сколько бы ты ни узнавал о «Лазурном берегу», это не идет ни в какое сравнение с пониманием его самого.

Цзян Шуньань насупился.

Дизайн — это то, чего хотел Вэй Цзинжун. Какой стиль, какой эффект — он знал лучше всех.

Разве не его задачей всегда было создавать свои работы в рамках, установленных клиентом?

Какой же я глупец!

Цзян Шуньянь мысленно отчитал себя.

— Ты знаешь, откуда появилось название «Лазурный берег»? — спросил Оуэн.

— Директор Вэй придумал.

Оуэн:

— Это название придумала сестра Вэнь Ин, то есть возлюбленная вашего директора Вэй.

— Есть жена, а он дома не бывает, не боится, что загорится задний двор?

При упоминании об этом Цзян Шуньянь почувствовал внутренний дискомфорт.

— Хе-хе, это ты мне можешь сказать, но только не ему.

Оуэн тронулся с места в тот момент, когда светофор сменился на зеленый.

— Сестра Вэнь Ин умерла семь лет назад.

— Она...

Цзян Шуньянь понял, что ляпнул лишнее, не подумав. Он хотел что-то спросить, но слова застряли в горле.

В машине повисла мертвая тишина, было давящей и неловко.

Оуэн, однако, не придал этому особого значения:

— Семь лет назад, в то время Вэй Цзинжун был еще совсем молодым, свежим парнем. А посмотри на него сейчас...

— Свежее мясо превращается в вяленое — дело времени.

— Ты не находишь, что этот кусок вяленого мяса еще довольно жевательный?

— Говори по существу!

Оуэн улыбнулся, и в его голосе словно отозвалось то время.

— Эх, это долгая история. В том году он был еще студентом, совмещал учебу с работой, как и многие другие...

Позже, благодаря случайности, работая официантом, он встретил Вэнь Ин, которая тоже была студенткой. Постепенно они прониклись симпатией друг к другу и стали парой.

Но, хотя Вэнь Ин была красавицей, которая могла есть и не полнеть, готовить она была совершенно не умеющей. Они оба были студентами, денег было мало, и они не могли позволить себе есть в ресторанах каждый день.

Поэтому Вэй Цзинжун начал воровать мастерство у поваров на задней кухне. Со временем его кулинарные навыки стали не хуже, чем у шеф-повара.

После окончания учебы они оба нашли хорошую работу и уже готовились к свадьбе, когда Вэнь Ин заболела.

— Это был рак, наследственное заболевание. Ей оставалось... недолго.

Вэй Цзинжун узнал об этом от врача, но сделал вид, что ничего не случилось, сказав Вэнь Ин, что это мелочь, ничего серьезного.

С того дня Вэй Цзинжун потерял интерес к работе, он целыми днями был с Вэнь Ин, готовя для нее разные вкусные блюда. Даже когда волосы Вэнь Ин полностью выпали, а лицо становилось все бледнее с каждым днем, Вэй Цзинжун никогда не оставлял ее.

— Вэнь Ин, вкусно?

— Угу, все, что ты делаешь, вкусно.

Вэнь Ин с аппаратом искусственного дыхания лежала на больничной койке. Даже глоток воды был для нее пыткой, но она все равно старательно выпивала суп, который для нее приготовил Вэй Цзинжун.

Вэй Цзинжун, разрываясь от боли, отвернулся и вытер слезы с уголка глаза:

— Вэнь Ин, отдохни немного.

— Угу.

Вэнь Ин кивнула, слабо сжимая руку Вэй Цзинжуна:

— Цзинжун, ты... ты хорошо ешь? Ты... ты так сильно похудел.

— Ничего, просто много работы в последнее время, привык.

Вэнь Ин чуть-чуть улыбнулась, и эта улыбка была похожа на потрепанную картину: стоит коснуться — и она развеется в прах.

Автор хочет сказать:

Обновление. Прошу кликов и добавлений в закладки!

<http://bllate.org/book/16592/1516393>